
Н. С. Цветова

**АНТИУТОПИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА:
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ**

Аннотация. В центре нашего внимания — публицистический стиль В. Г. Распутина, сдвиги в мышлении и языковой форме, отражающие эволюцию творческой личности писателя. Движение его публицистической мысли рассмотрено на материале газетной статьи «Сколько будет лет в XXI веке», открывающей постромантический период творчества. Сравняются три варианта текста, в которых постепенно складывается аргументации собственной позиции, основанная на прецедентных феноменах.

Abstract. In the center of our attention is the journalistic style of V. G. Rasputin, shifts in thinking and linguistic form, reflecting the evolution of the writer's creative personality. The movement of his journalistic thought is considered on the material of the newspaper article «How many years will be in the XXI century», which opens the post-mantic period of creativity. Three variants of the text are compared, in which arguments of their own position, based on precedent phenomena, are gradually formed.

Ключевые слова: публицистика В. Г. Распутина, интенционально-стилистическая форма, экологическая проблематика

Keywords: journalism of V. G. Rasputin, intenational and stylistic form, environmental problems

Суждения многочисленных исследователей творческого наследия Валентина Распутина о бесконечном множестве аналитических подходов, которые могут быть реализованы при раскодировании текстов выдающегося прозаика давно уже стало общим местом — никого не удивляют, не вызывают сопротивления. Но, как правило, за пределы этого чрезвычайно соблазнительного для интерпретаторов обобщения выводится публицистика писателя как та сфера его творческой деятельности, которая отличается прагматизмом, установкой на достижение вполне конкретного эффекта, прямой трансляцией смыслов и обобщений.

На сегодняшний день наиболее значительная попытка реабилитации публицистики писателя — работа Петра Петровича Камин-

ского, в которой публицистика используется как эмпирический материал для выявления «генезиса мировоззрения писателя» [1, 14]. В концепции П. П. Каминского есть чрезвычайно важные, с нашей точки зрения, идеи, определяющие специфику распутинского увлечения утопическим по сути «глобальным технократическим проектом социального переустройства» [1, 35]. Именно это увлечение обусловило романтический модус ранних публицистических выступлений писателя, их стереотипную по преимуществу речевую форму, которая складывалась «из понятий и образцов, штампов и концептов официальной социалистической, хотелось бы добавить, медийной культуры» [1, 40].

Но с течением времени интенционально-стилистическая форма публицистики В. Распутина, как известно, претерпевала серьезные изменения, контур которых очерчивался многими исследователями, демонстрировавшими особое внимание к поздним публицистическим работам писателя. Из последних по времени публикации необходимо отметить серьезнейшую работу Т. Д. Романцовой [3], в которой речь идет о метаконцепте «язык», представленном в публицистике конца 1980-начала 1990-х годов.

Но, как нам представляется, в собрании публицистических текстов В. Распутина особое место занимает статья «Сколько будет лет в XXI веке» — вершинный вариант разработки экологической проблематики, пришедшей в публицистику писателя сразу по завершении «романтического» начала творческой эволюции. В написанном в 1990-е очерке с абсолютной отчетливостью проявилась глобализация темы. Исключительность присутствия этого текста в историко-литературном потоке определяется наличием трех авторских вариантов текста (текст 1995 года с авторскими сокращениями, возникшими при подготовке текста к презентации в устной форме, по сути, это два авторских варианта) [4], что, как известно, Распутиным практически не допускалось. Он публиковал только завершённые произведения.

Сравнение трех вариантов показывает, что авторская работа над текстом осуществлялась в трех направлениях. Во-первых, в тексте, который лег в основу нескольких выступлений Распутина во второй половине 1990-х в разных аудиториях, в том числе иностранных,

университетских, по-новому презентована категория адресата. Это один из немногих текстов, обращенных, как дважды подчеркивает автор, к землянам — обитателям одной планеты. Особая значительность такого описания адресата проявляется в процессе работы над сильной позицией финала, которая в первом варианте имела такую форму: «... а чего они окунают меня в «шоковую терапию» на пути к гибели? Если это средство — так давайте примем это средство всем миром без исключения на пути к спасению?» [4, 182]. Окончательный вариант — *Но и этот выход, несмотря на всю его привлекательность, только фантазия и ничего больше...* [2, 469] и т. д. Очевидно, что финал, основанный на аллюзии к одному из ключевых социально-политических процессов перестройки, обозначенному известным стереотипом — шоковая терапия, разрушал окончательную концепцию адресата, поэтому был снят.

Адресат представлен в нескольких градационных по сути аналогичных по структуре формах (образах) — человечество, «как ребенок, закрывший ладошками глаза и ничего не видящий» [2, 459], люди как мухи, «увязнувшие в меде материального сладострастия и лени» [2, 460], человек — «игрок, проматывающий последние природные, культурные и духовно-нравственные накопления» [2, 465]. Градация служит сокращению дистанции автор-адресат. Развернутые, распространённые сравнения в составе градации делают характеристику субъекта конкретным, ярким, формируют подтекст, выполняют оценочную функцию. Причем, при подготовке устной формы текста, непосредственного контакта с аудиторией В. Распутин исключает сравнения, которые далекая для него публика может воспринять как экстремальные (оскорбительные). Наоборот, писатель упорно ищет точки соприкосновения и находит их в форме аргументации собственной позиции, основным признаком которой становятся прецедентные феномены.

Развернутые и чрезвычайно разнообразные ряды прецедентных феноменов — «Откровение Иоанна Богослова», «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского; идеи, высказывания французского естествоиспытателя Ламарка, первого президент Римского клуба А. Печчеи и Василия Розанова; доклад группы Медоуза из Мас-

сачусетского технологического института для Римского клуба о «Пределах роста» и экологические инициативы ООН; конвенция 1992 года о биологическом разнообразии и знаменитый доклад 1980 года для президента США «Мир в 2000 году»; наконец, упоминание о Чернобыле как «учебной вершине для преодоления последующих» [2, 462] и весьма красноречивая статистика, введенная в текст с учетом всех рекомендаций специалистов по риторике (сколько видов биологических организмов исчезает за год).

Весь этот огромный информационный объем работает на авторскую идею о доминировании в новом столетии не политического, не социального противостояния, а борьбы за физическое выживание.

Второе направление писательской правки текста — работа над воплощением категории времени, базовой для смысловой структуры этого текста, представленной в антитезе:

— время нынешнее — мистическое время на границе двух тысячелетий — канун перехода «из века в век» — время мистическое, «совмещение сотенного и тысячного порядков летоисчисления» [2, 456] — «юбилей», время подведения итогов и поиска ответа на вопрос: «Каково наше будущее?», т. е. ситуация вероятностного утопического программирования течения жизни;

— ближайшее будущее — антиутопический момент утраты временной перспективы, т. е. конечный пункт исторического развития: «Впереди, даже в самом лучшем случае — убывающий свет, неминуемое разорение» [2, 463].

Мотивация разрушения утопических ожиданий, в первую очередь, возможности возвращения «утраченного рая» [2, 463] — развернутая метафора: «Надежды на благополучные перемены в будущем сравнимы с расчетом на искусство каскадеров, которым в последний момент удастся выброситься из обрушивающейся лавины, опередить ее падение и подставить спасительное плечо» [2, 457].

Этот антиутопический элемент сюжета статьи усиливается изображением прогноза необратимых для человека психологических последствий сегодняшнего положения дел, обусловленного не онтологическими закономерностями, не старением космоса, а превращением — цивилизации в «могучее средство самоуничтожения человечества» [2, 457-458].

Но в финале, вопреки ожиданиям, казалось бы, уже сложившейся логике развития антиутопического сюжета, происходит распутинское чудо, включается специфический защитный литературный механизм — появляется в сильной позиции знаменитый распутинский открытый финал. Как он сам признается, фантастический — утопический, в котором возможность торжества идеального будущего никак не соединена в текущей современности историческим переходом. «Что же делать?! [2, 468]. Фантазия — расчет на человеческий «бунт после бунта» — «сухие», «не имеющие истечения слезы на берегу реки, «которая обласкивала еще его дедов и прадедов», крестное знамение и отчаянный крик «Не хочу! Не пойду! сгинь, нечистая сила!» — «не надо мне ваших выгод, вашего расчета» [2, 469]. Возможность такого исхода предусматривается Достоевским в «Записка из подполья» и комментируется писателем только в последнем варианте статьи как обусловленность Божьим промыслом, чудом. Разочаровавшийся к этому времени в человечестве и человеке писатель с горечью, рожденной обновленной тональностью повествования, признается: «... этот выход, несмотря на всю его привлекательность, только фантазия и ничего больше. И если выпадет нам спасение и новая жизнь, заслуги человека, похоже, в том не будет ни завтра, ни послезавтра» [2, 469].

Почему в центре нашего внимания оказалось именно это публицистическое высказывание писателя? Во-первых, преодолением жанровой ограниченности, которое обусловлено чрезвычайно актуальным сегодня объединительным пафосом — обращенностью к человечеству. Во-вторых, наши наблюдения подтверждают сложнейшую эволюцию Распутина как творческой индивидуальности. В конечном итоге возникает текст, который противоречит давнему заключению о «категорической, авторитарной тональности поздней публицистики Распутина» [1, 218]; о том, что «Распутин — это слабое эхо протопопа Аввакума» (П. Басинский, 1992).

С одной стороны, очевидно, что текст статьи продиктован болью, ощущением неизбежности близкой расплаты человека и человечества за насилие над природой, порожден горячим желанием автора высказаться. А писатель Распутин всегда стремился говорить так, чтобы его услышали, чтобы не могли не услышать, не прочитать

(«Мой манифест», 1996). Формально эта установка выражается в многочисленных градациях, риторических вопросах и восклицаниях, в вопросно-ответных конструкциях; в наглядных сравнениях, которые приветствовались еще Аристотелем как наиболее мощное средство речевого воздействия и вполне соответствуют состоянию языкового пространства второй половины 1990-х. Эту эпоху создатель лингвистической теории эмоций назвал временем взрыва «эмоциональных номинаций» [5, 304].

Но, с другой стороны, выдающийся мыслитель, большой писатель всегда идет впереди своего времени. Показатель такого опережения в данном случае — снижение экспрессивности публицистического высказывания В. Г. Распутина с развитием публицистического сюжета вплоть до сильной позиции конца текста. Финальный эмоциональный подъем направлен на преодоление психологической депрессии через достижение отчетливого баланса между мыслью, эмоцией и стилем. Такого типа баланс в рамках замечательного, совершенного по форме и содержанию распутинского публицистического текста ярче всего проявляется в конечном возвращении к утопическим надеждам — к «фантазиям». Фантазии как надежды на то, что человечество все-таки найдет в себе силы, опомнится. Но «фантазиям», безусловно, не будет суждено воплотиться ни сегодня, ни завтра. Это очевидная деградация утопических ожиданий.

Библиографический список

1. Каминский П. П. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина. - М.: Флинта-Наука, 2012. — 235 с.
2. Распутин В. Г. Сколько будет лет в XXI веке? / Распутин В. В поисках берега. Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. — С.446-469.
3. Романцова Т. Д. Метаконцепт «язык» в газетной публицистике В. Распутина конца 1980-начала 1990-х годов: когнитивно-праксеологический аспект / Медиалингвистика. 2021. Т.8. №3. С. 219-236.
4. Цветова Н. С. Валентин Распутин в слове и за словом. — СПб: Алетейя, 2018. — 188 с.
5. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. М.: Гнозис, 2008. — 416 с.